

Проблемы наказания и теория прогнозирования

Аннотация: Проблема наказания подлежит исследованию системой методов различных наук: кибернетики, математики, прогнозирования и др.

Исследуется понятие системы и её принципы, виды систем.

Рассматривается соотношение проблем наказания и социального прогнозирования, методология прогнозирования результатов наказания.

Ключевые слова: наказание; система; прогнозирование; логика; интуиция; методология.

Мы всегда рассматривали уголовное наказание как понятие только юридическое. Поэтому всегда старались решить все проблемы, связанные с его эффективностью, путем исследования ряда насущных для практики частных вопросов назначения и исполнения наказания, или же посредством совершенствования уголовного или уголовно-исполнительного законодательства. Глубоко убеждены в том, что, если бы в бытность Ч. Ломброзо, Э. Ферри и др. такие науки, как прогнозирование, кибернетика, математические методы и т. д. получили бы такое совершенствование, как сейчас, учение о наказании и его значении в борьбе с преступностью было бы значительно более глубоким, ибо они обязательно воспользовались бы результатами этих наук. Наказание - сложное явление, а потому обычный, простой подход к его изучению только в пределах правовых наук - бесперспективен. К сложной проблеме, к феномену, каковым является наказание, нужен системный подход. Этого от нас требует будущее наказания.

Этимологически греческое слово «*sistima*» означает целое, состоящее из частей. Понятием, противоположным системе, является понятие «не-система»,

♦ Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Азербайджанской Республики, член Совета МОПИ (Азербайджан). E-mail: mori_sid@yahoo.com

т. е. хаос или суммативное множество. Под системой в современной науке понимается целостное множество взаимосвязанных элементов [23, с. 82].

«...Система есть упорядоченная совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, закономерно образующих единое целое, обладающее свойствами, отсутствующими у элементов и отношений, его образующих» [15, с. 21].

Д. А. Керимов отмечает: «Простые суммарные целостности (например, стог сена, куча мусора или яблоки в корзине) вовсе не являются системой. В отличие от первых (искусственно созданных или случайно образовавшихся), система - сложная целостность, возникшая в результате объективного, закономерного процесса соединения составляющих ее элементов» [12, с. 220-221].

Понятие «система» широко используется как в общенаучной и специальной литературе, так и в повседневной жизни. Обычно оно употребляется в качестве синонима совокупности, комплекса определенных реальных объектов. Не является исключением в этом смысле также право и юридическая деятельность. В нашей юридической научной литературе ныне все чаще употребляется понятие «система», «системность», «системный подход», «системный анализ», «общая теория системы» и т. п. [11].

Мы уже привыкли к выражениям «система норм права», «система юридических учреждений», «система доказательств» и т. п., понимая под этим упорядоченное определенным образом (для каждой системы по-своему) какое-то множество элементов, которые между собой связаны и в совокупности образуют нечто целое.

Любая система имеет три принципа.

Первый принцип - целостность составляющих систему блоков - подсистем и элементов. Целостность понимается как принципиальная несводимость системы к простой сумме составляющих ее компонентов.

Система - качественное, устойчивое интегративное образование, а не механическая совокупность ее составляющих частей.

Второй принцип системности - принцип иерархичности, многоуровневости и многоступенчатости. Всякая система им является частью другой более широкой системы, а ее подсистемы и элементы, в свою очередь, могут рассматриваться как самостоятельные системы.

Третий принцип системности - структурность системы. Структура - это, во-первых, качественное своеобразие слагающих систему подсистем и элементов, а, во-вторых, сеть связей между ними. Структура - это закон строения и поведения системы, устойчивые формы связей, взаимодействия и отношений внутри системы.

По степени сложности системы подразделяются на простые и сложные. **Простая система** не имеет разветвленной структуры, содержит небольшое количество взаимодействующих элементов и выполняет простейшие функции. **Сложная система** имеет разветвленную структуру и значительное количество взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, выполняющих более сложные функции. Наказание как система относится к сложным целостным образованиям. Поэтому она характеризуется интегративными свойствами, которые определяют все другие их основные специфические особенности.

Наказание, как сложная система, состоит из трех взаимосвязанных и взаимообусловленных между собой частей, которые образуют динамический процесс: подготовка и принятие уголовно-правовой санкции, назначение и исполнение наказания

Системный характер наказания делает ее комплексной, междисциплинарной. А это означает, что для ее решения необходимо привлекать данные различных наук: категории, идеи, методы и средства философии и социологии, психологии и педагогики, кибернетики и теории информации, ибо какая-нибудь одна наука не в состоянии собственными силами решить рассматриваемую исследовательскую

проблему. Иначе говоря, суть системного исследования применительно к наказанию заключается в концентрации закономерностей и категорий, методов и средств различных наук вокруг решения именно этой проблемы. При этом необходимо иметь в виду, что достижения других наук лишь тогда органически вольются в исследование данной проблемы, когда они будут служить специфическим целям и задачам уголовной и уголовно-исполнительной наук, которым принадлежит приоритет в решении этого вопроса.

Системный подход, получивший свое распространение во второй половине текущего века, весьма плодотворен. Достоинство этого метода состоит в том, что он позволяет использовать математические методы, в частности математическое моделирование. Главное же — системный метод обеспечивает научно обоснованное целенаправленное управление познанными системами. Совершенно обоснованно представление о системности как о междисциплинарности исследования, т. е. совместном изучении объекта несколькими науками, каждая из которых рассматривает его под каким-либо одним, специфическим углом зрения [14].

В связи с этим, важным являются следующие рассуждения Б. М. Кедрова: «Дальнейший шаг в углублении взаимодействия наук состоит, во-первых, в том, что во взаимодействие вступают не только науки одного общего профиля, например, только естественные или только гуманитарные, но науки всех профилей; а, во-вторых, их взаимодействие усиливается и доходит до образования из них некоторых слитных комплексов и до выработки нового комплексного метода исследования, представляющего собой дальнейшее развитие и совершенствование метода материалистической диалектики» [10, с. 94].

Идея системности ныне прочно вошла в число основных методологических принципов проведения конкретных социальных исследований. И постоянное совершенствование организационных форм,

методов, путей проведения комплексных исследований является одной из важнейших проблем научного поиска.

Завершая рассмотрение этого вопроса, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что «сейчас наступил такой период в научном развитии, когда, продолжая совершенствовать общенаучные представления о системности, надлежит переходить к их использованию в конкретных областях знания, где и происходит непосредственное «слияние» теоретической мысли с практическими потребностями социального развития» [12, с. 203]. Поэтому только обращение к системному подходу, как одному из методологических направлений в современной науке, позволяющему по-новому увидеть объект исследования, дает возможность познать особенности и закономерности сложной системы уголовного наказания.

Многие проблемы сегодняшнего наказания непосредственно связаны с его прогностической сущностью. Поэтому не вызывает никакого сомнения тот факт, что будущее наказания связано с использованием прогнозирования в учении о наказании и в практическом его применении в законотворческой, судебной деятельности, а также в процессе исполнения приговора.

В значительной степени эффективность устрашительного воздействия наказания и, в целом, достижения цели предупреждения преступлений зависит от предвидения будущих его результатов. Именно в этом и заключается проблема, ибо мы сталкиваемся с прогнозированием, т. е. с предвидением будущих результатов наказания в момент принятия решения - начиная с принятия уголовно-правовой санкции и кончая исполнением судебного решения. Поэтому без научного прогнозирования нам, практически, невозможно устранить те препятствия, которые мешают повысить эффективность уголовного наказания. А это означает, что его малоэффективность - результат наших невозможностей использования научных достижений в области

прочности. Как мы убедимся далее, эффективность уголовного наказания и пути его повышения связаны именно с его прогностической сущностью. Исходя из этого, считаем целесообразным попытаться разобраться в этом вопросе и предложить некоторые соображения.

Прогнозирование результатов наказания направлено от известного к неизвестному, что порождает специфическую гносеологическую неопределенность научного предвидения, т. е. невозможность непосредственного экспериментального контролирования результатов уголовного наказания оставляет во многих случаях открытым вопрос о подтверждении правильности или ошибочности выводов, поскольку на данном этапе развития науки для решения этой проблемы отсутствуют достаточные логические и практические средства. В. Г. Виноградов отмечает: «Отсутствие возможности непосредственно-профилактической экспериментальной проверки результатов научного предвидения затрудняет ответ на вопрос об истинности или ложности предвидения. Непосредственно практическую проверку результатов предвидения можно осуществить только после обнаружения предсказуемых явлений» [7, с. 174].

Значит, прогнозирование результатов наказания отличается невозможностью «сиюминутной» практической проверки истинности, обоснованности, надежности прогнозов, так как существует сдвиг во времени проверки теории на практике от процесса ее формирования. Наличие такого временного интервала создает некоторую гносеологическую неопределенность, поскольку к моменту окончательной проверки теории, материальные объекты, которые она отражает, могут претерпеть существенные изменения. Это вторая особенность прогнозирования результатов уголовного наказания. Но она не является основанием для отказа от прогнозирования. Еще А. Пуанкаре предупреждал: «Лучше предвидеть без абсолютной уверенности, чем не предвидеть вовсе» [21, с.159].

Без всякого сомнения, авторитет прочности зависит, прежде всего, от степени вероятности прогнозов. Поэтому одной из самых актуальных проблем прогнозирования наказания является проблема априорной верификации и доказательства.

В философской литературе имеет место недооценка проблемы истинности прогнозирования. Так, например, утверждается, что «верификация как способ проверки знания, заключенного в прогнозе, не может ответить на вопрос — истинен или ложен прогноз», ибо «специфика знания, заключенного в прогнозе, состоит в том, что о его достоверности можно говорить объективно только после осуществления прогноза» [9, с. 353].

Следовательно, полагают эти авторы, прогнозирование теряет смысл, если ждать реализации прогноза для определения его достоверности и возможности использования.

Вопрос об объективной истинности прогнозирования результатов наказания тесно связан с проблемой критериев его истинности. Именно предварительное выяснение объективной истинности прогнозирования служит основой для анализа критериев истинности познания будущих результатов уголовного наказания. Они делятся на два класса: практический критерий и логические (косвенные) критерии. Организация прогнозирования наказания, т. е. «формирование искомого, есть вместе с тем определение и развитие критериев, на основе которых непрерывно определяется адекватность этого искомого исходным условиям и требованию решаемой задачи» [3, с. 180]. С одной стороны, в начале практической деятельности наказания нет и быть не может никаких полностью готовых критериев и эталонов для вывода будущего результата относительно правильности или ошибочности уголовного наказания. Но, с другой стороны, организация прогнозирования результатов наказания невозможна без подобных критериев и эталонов.

Отмеченное противоречие шаг за шагом разрешается именно в процессе создания, формирования будущего результата уголовного наказания.

Главным и подлинным критерием истины прогнозирования выступает практика, т. е. факт наступления или не наступления в будущем желаемого результата конкретного уголовного наказания.

«Практикой своей, - подчеркивает В. И. Ленин, - доказывает человек объективную правильность своих идей, понятий, знаний» [16, с. 173]. Практика есть основа прогнозирования. Именно в практике мы открываем свойства, предсказывающие будущее. Ю. А. Васильев отмечает: «Практика обеспечивает материализацию, превращение в объективную реальность предвидимой цели, социального идеала» [6, с. 199]. К практике, как критерию объективной истины прогнозирования, нужно подходить диалектически, потому, что она не только подтверждает, или опровергает прогнозы о будущем результате уголовного наказания, но и сама нуждается в них.

С одной стороны, в процессе организации прогнозирования практика выступает как его настоящая основа, как исходная материальная предпосылка всех прогностических изысканий, как неиссякаемый источник обогащения и развития научных представлений о будущем. Поэтому практика - единственное средство реализации и подтверждения прогнозирования теоретических предначертаний. Она является не только критерием надежности прогноза будущего результата уголовного наказания в его окончательном виде, но и решающим средством уточнения, корректирования прогностических знаний в процессе их реализации. Специфика практики как критерия достоверности прогноза в этом смысле состоит в том, что проверка сегодняшних знаний о завтрашнем результате наказания, производится на основе прошлой и настоящей практики применения наказания.

С другой стороны, практика не может обойтись без прогнозов в той или иной форме. Практика нуждается в прогностической деятельности

законодателя, суда, органов, исполняющих наказание, являющейся толчком, стимулом. Прогноз этих органов, получивший проверку на практике, подтверждает истинность и тех знаний, на основе которых он строится.

Результат практической реализации прогнозирования результатов наказания полностью не может совпадать с его теоретической моделью, а соответствует ей в основном, существенном, определяющем. Так, например, суд точно не в состоянии определить в деталях, как себя будет вести осужденный в местах лишения свободы через 2 года после осуждения. Но посредством прогнозирования суд может определить в будущем поведение данного осужденного в целом.

Поэтому попытки предвосхитить будущие результаты уголовного наказания во всех подробностях представляют собой лишенное какого бы то ни было основания, произвольное гадание, а не научное прогнозирование. При этом необходимо иметь в виду, что соотношение прогнозирования (цели) и результата практики неодинаково складывается в различных социальных условиях. Изучение связи между социальным предвидением (целью) и результатом практики, их относительного, а не абсолютного совпадения позволит установить определенные научные принципы, соблюдение которых необходимо при сопоставлении теоретической модели будущего с достаточным материальным результатом человеческой деятельности [6, с. 213]. Таким образом, прогнозирование всегда выступает в качестве относительной истины, оно неполно характеризует будущий результат уголовного наказания. Потому практика в чем-то дает меньше, чем предусматривал прогноз законодателя или суда, но она в то же время осуществит и много нового, что не охватывалось прогнозированием. Результат уголовного наказания характеризует не только «недовыполнение» прогноза, но и его «перевыполнение». В целом, в итоге практический результат наказания окажется богаче, чем самое совершенное прогнозирование.

Итак, результат прогнозирования при принятии, назначении и исполнении наказания, получивший проверку на практике, подтверждает истинность и тех знаний, на основе которых он строился.

Но в момент построения уголовно-правовой санкции, вынесения приговора, исполнения наказания, необходимо быть уверенным в определенной достоверности его знаний о будущем не после, а раньше, чем наступят ближайшие или отдаленные результаты деятельности субъектов прогнозирования.

Иначе говоря, суд должен до назначения того или иного вида и размера наказания быть уверенным, что осужденный исправится в течение, например, 5 лет. Следовательно, обращенность прогностического познания вперед, в будущем заставляет нас искать способы, пути проверки истинного познания будущих результатов наказания до того, как прогностические идеи будут подтверждены или отброшены практикой.

Помимо абсолютной верификации, то есть эмпирического подтверждения или отрицания правильности прогноза, существует относительная (предварительная) верификация, которая позволит развивать научное исследование и практически использовать его результат еще до наступления верификации. Способы относительной верификации общеизвестны: это проверка полученных, но еще не поддающихся абсолютной верификации результатов исследования повторными или параллельными исследованиями [20, с. 28].

Особенность прогнозирования наказания как раз и состоит в том, что при установлении истинности возрастает роль логических методов, хотя роль практики, как решающего критерия истинности знания, и здесь сохраняется в полном объеме.

Следует отметить, что само прогнозирование выполняет роль некоторого косвенного метода проверки знания, ибо одной из его функций является проверка истинности гипотез.

Применение законодателем, судом, органами, исполняющими наказание, метода логического анализа для проверки достоверности прогностического знания выступает как процесс выведения одного знания, знания о будущем, из другого знания, знания о прошлом и настоящем, которое уже утверждено практикой. Решающее значение в этом случае имеет истинность исходных данных, полнота и глубина знаний об эффективности и неэффективности конкретного наказания в прошлом и в настоящем. Подчеркивая это, Ф. Энгельс писал: «Если наши предпосылки верны и если мы правильно применяем к ним законы мышления, то результат должен соответствовать действительности» [17, с. 629].

Теперь совершенно очевидны важность и практическая необходимость детального и комплексного изучения практики применения того или иного наказания. В многообразии форм проверки истинности прогноза до его воплощения в жизнь центральное, ведущее место принадлежит науке. Искусство любого прогнозирования, в том числе и социального, состоит в том, чтобы, основываясь на объективных законах развития тех или иных явлений, суметь определить будущие качества, направление и характер развития этих явлений и вместе с тем, суметь направить это развитие по научному руслу в соответствии с поставленной целью.

Таким образом, важно помнить, что методами проверки истинности законодательного, судебного, а также индивидуального прогнозирования являются не только экспериментальная проверка, но и научная обоснованность, логическая доказательность и т. д. Истинность прогностического знания законодателя суда, органов, исполняющих наказание, о будущих результатах уголовного наказания, как на стадии его подготовки, так и в процессе назначения и исполнения, должна проверяться всей актуальностью указанных методов, каждый из которых тесно связан с практикой, является ее проявлением и получает свою дальнейшую конкретизацию и развитие применительно к специфике отдельных видов прогнозирования. Как мы видим, практическая

необходимость и возможность прогнозирования в области уголовного наказания не вызывает сомнений. Но каковы методы и способы такого прогнозирования?

Одним из наиболее важных и чрезвычайно трудных направлений развития теории и методологии прогнозирования в области наказания является разработка методов познания будущих результатов принятого в настоящее время решения. Такое положение объясняется, как нам кажется, тем, что проблема классификации методов прогнозирования вообще, к сожалению, еще не решена, хотя развитие методологии и методики прогнозирования зашло так далеко, что сейчас возникла необходимость выделить особую отрасль - *прогностикку*. Ее задача состоит в совершенствовании и развитии технологии прогнозирования, принципов организации прогнозных разработок. Естественно, что применение разрабатываемых в прогностике методов предполагает максимальный учет специфики объекта прогноза [26, с. 10]. Имеющиеся в специальной литературе попытки классификации методов относятся к отдельным отраслям прогнозирования, в первую очередь, к наиболее развитым - научно-техническому и экономическому [20, с. 86].

Представители различных общественных наук называют множество методов социального прогнозирования. Так, например, В. Шляпентох «до двух сотен различных методов, с помощью которых можно приоткрыть завесу над грядущим» [27, с. 12]. Б. Ф. Зайцев и Б. А. Лапин же пишут, что в практике прогнозирования применяется около 130 методов [8, с. 79].

В целом, социальное прогнозирование «сегодня» использует для изучения «завтра», в основном, социологические методы, экспертные оценки и математические модели. Методической основой разработки и применения методов, способов прогнозирования в области наказания, как и всякого научного познания, является философия - всеобщий метод познания. В полном соответствии с ним, в целях познания будущих результатов наказания, могут применяться общенаучные и частнонаучные методы. Выполняя роль метода познания будущего, диалектика имеет функциональное значение для

прогнозирования любых социальных явлений и процессов, в том числе наказания. Диалектика является философским методом научно-технического познания; ее законы и категории служат основой синтеза знания, направляют мышление на поиск наиболее плодотворных решений новых проблем. Диалектико-материалистический подход к социальным проблемам ориентирует на творческий анализ всех новых вопросов, выдвигаемых жизнью, позволяет предвидеть необходимые действия, направленные на реализацию программы развития явления, процесса. Таким образом, изучая процесс возможного изменения того или иного явления в будущем, диалектика выступает «как метод предвидения и целенаправленного действия» [2, с. 44]. «Предвидение, с точки зрения диалектики, - пишет Л. Д. Никитин, - есть основанные на познании законов объективного мира знания о том, как будет изменяться данное явление в будущем» [18, с. 152].

Поскольку в методе выражается содержание изучаемого предмета, то применение диалектического метода в каждой науке имеет свои особенности, вызываемые особенностями предмета науки, которые делают также необходимым применение в ней и специальных методов в помощь основному методу - диалектическому.

Описание будущих результатов уголовного наказания может осуществляться на разных уровнях и в разных формах познания. Каждая из таких форм представляет собой мысленное, чувственно-логическое или теоретическое отражение будущего. Исходя из вышеизложенного и общественных дефиниций, основанных на специальной литературе, посвященной исследованию метода, можно определить метод прогнозирования наказания, как сложный прием (или совокупность простых приемов) теоретического исследования перспектив развития, или конечного результата конкретного уголовного наказания, как форму последовательных теоретических и практических подходов к разработке прогноза на основе закономерностей процесса принятия, назначения и исполнения уголовного наказания и возможностей их познания. Прогнозирование будущего в

законодательной, судебной и пенитенциарной деятельности может быть разной степени гипотетичности - от крайне маловероятных до вполне достоверных, истинных.

В итоге, необходимо заметить, что прогнозирование наказания должно осуществляться путем применения совокупности методов, которые вполне могут обеспечить процесс познания тенденций и закономерностей развития, например, карательно-воспитательного воздействия как на лиц, совершивших преступление, так и на неустойчивых граждан нашего общества. Как бы законодатель не обосновывал целесообразность и исследовал дело в процессе судебного разбирательства и не индивидуализировал бы наказания, он никогда не сможет дать однозначный ответ на вопрос: достаточно ли этого карательно-воспитательного воздействия для достижения цели, стоящей перед уголовным наказанием, так как их решение основано только на предположениях, догадках, внутреннем чутье, жизненном и профессиональном опыте. В таком случае они свой вывод обосновывают только лишь опираясь на собственную интуицию. Что же такое интуиция и можно ли на нее надеяться?

В прогностическом смысле интуиция обозначает виды *восприятия* (быстрое отождествление, ясное понимание и способность интерпретации), *воображения* (способность представления, искусство сравнения и творческое воображение), *выводы умозаключений* (ускоренное умозаключение), *синтезирование* (обобщающая точка зрения), *понимания* (здравый смысл) и оценка [1, с. 158]. Вот эта совокупность мышления является основой подготовки и принятия санкции, а также при избрании судом вида и размера конкретного уголовного наказания.

Это связано с тем, что между моментом принятия решения и наступлением его результатов существует интервал во времени. А это значит, что в законодательной и судебной практике интуитивный элемент неизбежен в предвидении при большом времени упреждения. Так, например, прежде чем назначить наказание, суд старается мысленно вообразить себе будущее последствие своего решения построить себе целостное представление о

будущем результате приговора. Но такой подход носит в себе некоторую опасность беспочвенного фантазирования. В связи с этим совершенно справедливо возникает вопрос: является ли интуиция серьезным и одним из главных методов прогнозирования? Конечно, нет, ведь применение термина «метод» по отношению к интуитивным предвидениям, предсказаниям результатов уголовного наказания неправомерно. Здесь правильнее было бы употреблять термины - «способ», «средство», так как метод есть особый способ познания будущего, в котором содержатся какие-либо предписания, указания осуществить те или иные операции в том или ином порядке. Интуитивное же предвидение последствий наказания не основано на таких предписаниях. Метод и интуиция исключают друг друга: если обнаруживается метод решения задачи, которая раньше решалась интуитивно, то тем самым надобность в интуиции в данном случае отпадает.

Предсказание, сделанное на основе интуиции, в значительной степени, как пишет М. Бунге, «дело фронеизиса (практической мудрости), той мудрости, приобретение которой вознаграждает нас за наши неудачи» [5, с. 139]. Но нас интересует иная проблема: можно ли осуществить в области наказания предвидение, предсказание на основе интуиции, т. е. возможно ли интуитивное познание будущих результатов уголовного наказания? «В повседневной жизни, - пишет А. Р. Ратинов, - мы постоянно сталкиваемся с такими явлениями, когда по ничтожным признакам, при очень малом исходном материале возникают правильные догадки, достоверность которых устанавливается последующей проверкой» [22, с. 133-134]. Но при всем значении интуиции в предвидении следует подчеркнуть, что непосредственное осуществление предвидения представляет собой, прежде всего, логический вывод из известных законов, теорий, гипотез.

Для интуиции, как средства предвидения (предсказания), характерно, прежде всего, то, что основания в нем явно не формируются. Больше того, порой представляется, будто здесь вовсе нет никаких оснований. А это приводит к тому, что, приняв и назначив то или иное конкретное уголовное

наказание, мы остаемся неуверенными в правильности и целесообразности своего решения. Другой существенной особенностью является то, что познание будущих результатов уголовного наказания осуществляется без соответствующей логики. И это естественно, ибо логически связанными могут быть лишь такие положения, которые явно выражены, а, как мы ранее отметили, про основания интуитивного предвидения этого сказать нельзя. Третья особенность состоит в том, зависит от многих случайных, варьирующих обстоятельств, в частности, от таких субъективных качеств законодателя и судьи, как гибкость ума, воображения, профессиональный и жизненный опыт, интуитивное «чутье» и т. д. Поэтому применительно к интуитивному предвидению трудно употреблять выражение «мера гипотетичности», ибо, сколь-нибудь точно установить и измерить степень гипотетичности вряд ли возможно. М. Бунге пишет, что «ученые ценят интуицию, в особенности творческое воображение, ускоренное умозаключение и фронезис, но не рассчитывают на нее. Им известно, что психологическая самоочевидность не гарантирует истины, что интуиция в высшей степени индивидуальна и что она часто разыгрывает злые шутки. Интуитивность — не критерий для построения и оценки научных теорий» [5, с. 143]. Несмотря на существенные недостатки интуиции, не следовало бы недооценивать ее роль в деятельности по принятию и назначению справедливого и эффективного наказания, ибо, как справедливо пишет английский физик А. Кларк, «для предвидения будущего нужно обладать логикой, но, кроме того, нужны еще и вера, и воображение, способные подчас пренебречь даже самой логикой» [13, с. 34].

К интуитивному прогнозированию очень близко прогнозирование, основанное на умозрительном мышлении, являющемся не аналитическим, а синтетическим предсказанием будущих результатов уголовного наказания. Умозрительное мышление приводит законодателя и судью к предположению или предвидению множеств свойств, явлений, которые иначе в процессе прогнозирования не могут быть открыты. Например, судьи предполагают, что

подсудимый в самом ближайшем будущем в местах лишения свободы готов встать на путь исправления и перевоспитания.

Важнейшая особенность умозрительного мышления применительно к прогнозированию наказания состоит в том, что с его помощью могут быть предсказаны результаты уголовного наказания, лишь впоследствии (в будущем) получающие логическое и экспериментальное обоснование, предвидеть возможные тенденции и закономерности изменения поведения подсудимого в предстоящий период.

При всем значении интуиции в предвидении, следует подчеркнуть, что непосредственное осуществление научного предвидения результатов уголовного наказания представляет собой, прежде всего, *логический* вывод из известных законов, теорий. Подчеркивание логического аспекта в научном предвидении отделяет его, с одной стороны, от научных открытий, с другой стороны, - от предвидения, осуществляемого в процессе повседневной деятельности [7, с. 9]. Прогнозирование (научное предвидение, основанное на логическом мышлении - на логике) все-таки не дает возможности нам надеяться на стопроцентную точность.

В. П. Тугаринов и Т. М. Румянцева отмечают: «Конечно, логическая необходимость еще не гарантирует нам действительную «натуральную» необходимость. Действительность «хитрее» всякой логики. Однако законы логики - суть, отраженные законы действительности» [24, с. 111-112]. Поэтому логически правильно сделанное предположение дает судьям право с большей степенью вероятности рассчитывать (и ничего более) и на осуществление этого предположения в настоящей и будущей действительности.

Логические выводы, как известно, подразделяются на две большие категории - дедуктивные и индуктивные. В соответствии с этим все предвидения можно также разделить на дедуктивные и индуктивные [19, с. 115]. Следовательно, логической значимостью для суждений о будущем результате наказания обладают и дедуктивные и индуктивные (от частного к общему) заключения субъектов прогнозирования.

При этом надо иметь в виду, что «индуктивные суждения не могут охватить опыт полностью, исчерпать его» [24, с. 112]. В этом смысле, как указывали классики марксизма, они всегда неполны (ибо опыт всегда не закончен), а потому и «ненадежны». Они могут не учитывать таких сторон или свойств явлений, которые существуют или проявятся в будущем.

Дедуктивные же заключения по самой своей природе предполагают полный охват опыта в определенном масштабе. Поэтому они могут претендовать на вполне достоверный и однозначный характер.

В практике по подготовке и принятию санкции, а также по назначению наказания в качестве основы прогнозирования может использоваться *гипотеза*.

Гипотеза - это особого рода научное предположение о неизвестных явлениях, формах их связи или причинах, их вызывающих. Гипотеза выделяется для обеспечения имеющихся фактов.

Предположение в гипотезе может носить характер предвидения, но может претендовать и на роль научного открытия. Субъектом гипотезы в прогнозировании результатов уголовного наказания являются законодатель, судья, а также администрация пенитенциарных учреждений. Главное, что характеризует гипотезу этих субъектов, - это активное стремление выйти за грань накопленных фактов, осмыслить и сформулировать будущее уголовного наказания. При этом они знают, что объективная истинность будущих результатов наказания, которые они стремятся предвидеть посредством гипотезы, еще не доказана в силу вероятности характера будущего. В процессе прогнозирования результатов наказания следует «использовать» гипотезы прогнозирующего типа, обязательным элементом которых является некоторое предсказание, предвидение.

Такие гипотезы имеют сложный характер, так как, прежде чем прогнозировать будущий результат того или иного решения, надо обязательно раскрыть механизм психологического воздействия уголовного наказания на лицо, которое совершило преступление, а также на остальных членов общества.

Как видим, ядро гипотезы - предположение, которое играет роль предпосылки умозаключения.

Таким образом, гипотеза играет исключительно важную роль в прогнозировании. Поэтому мы должны уметь пользоваться этим способом прогнозирования. М. Бунге пишет: «...Без способности придумывать гипотезы и планы нельзя выполнять ничего, кроме «механических» операций, т. е. манипулирования аппаратами и применения вычислительных алгоритмов» [5, с. 109].

Одним из способов познания будущих результатов уголовного наказания может служить предвидение по аналогии, сущность которой состоит в следующем. Известно, что два объекта обладают одинаковыми существенными свойствами. Кроме того, один из объектов обладает такими свойствами, которые у другого еще непосредственно не обнаружены. Тогда делается предположение (т. е. фактически предсказывается), что и второй обладает этими свойствами [19, с. 115]. Таким образом, под аналогией обычно понимают сходство предметов (явлений, событий) в каких-либо признаках или отношениях [25]. Аналогия в науке играет большую роль, так как подчас наталкивает исследователей на весьма важные догадки.

Чем больше ситуаций из опыта прошлого, тем более точным будет результат предвидения по аналогии.

Определяя на основании сходства тех или иных признаков объектов по другим признакам, можно от тождества в отдельных частных признаках перейти к тождеству общего порядка. Именно таким путем делаются отдельные прогностические выводы. Аналогия с уже в прошлом рассмотренными делами помогает, например, суду предсказать более точно, как будет протекать процесс исправления и перевоспитания в будущем.

Следует учитывать, что прогностические выводы по аналогии бывают правильными, когда учитываются присущие каждому из сравниваемых ситуаций качественные характеристики, определяющие специфику взаимодействия этих ситуаций. Аналогия, строящаяся на основании сходства

некоторых внешних несущественных сторон, явлений, не является научной и ведет к ошибкам [4, с. 68]. Однако, несмотря на то, что предвидение по аналогии нередко приводит к важнейшим открытиям, его тоже нельзя назвать вполне совершенным и точным видом предвидения. Дело в том, что те признаки явлений, отождествление которых в данном случае составляет основу предвидения, могут при дальнейшем исследовании оказаться искусственными, служебными [19, с. 81].

Тем не менее, предвидение по аналогии представляет собой более высокую степень развития, предсказывающей способности человека по сравнению с предвидением на основе простой повторяемости явлений. Поэтому оно может смело использоваться в деятельности по прогнозированию результатов наказания.

Итак, мы определили принципы и методологию прогнозирования результатов наказания. Теперь на их основе попытаемся применить эти категории в законотворческой и судебной деятельности, а также в процессе исполнения наказания.

Библиография

1. Аванесов Г. Теория и методология криминологического прогнозирования. М., 1972.
2. Бауэр А., Эйхгорн В., Сегет В., Вюстнек К.-Д. Философия и прогностика (пер. с немецкого). М., 1971.
3. Брумлинский А. В. Мышление и прогнозирование. М., 1979.
4. Будущее человечества. М., 1971.
5. Бунге М. Интуиция и наука (пер. с английского). М., 1967.
6. Васильев Ю. А. В. И. Ленин и социальное предвидение. М., 1972.
7. Виноградов В.Г. Научное предвидение. М., 1972.
8. Зайцев Б.Ф., Лапин В.А. Организация планирования научно-технического прогресса. М., 1970.

9. Каспин В., Лисичкин В. О создании краткого словаря терминов по прогностике. В кн.: Теория и практика прогнозирования развития науки и техники в странах - членах СЭВ. М., 1971.
10. Кедров Б. М. О современной классификации наук (основные тенденции в её эволюции). Вопросы философии, 1980, № 10, с. 87-99.
11. Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972; Сырых В. М. Структура, генезис, система как элементы исторического и логического метода познания права. Автореф. канд. дис. М., 1970; Чхиквадзе В. М., Ямпольская Ч. А., О системе советского права. - Сов. гос. и право, 1967, № 9; Алексеев С.С. Общетеоретические принципы исследования структуры права. - Сов. гос. и право, 1971, № 3; Советское право как система: методологические принципы исследования. Сов. гос. и право, 1974, № 7.
12. Керимов Д. А. Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986.
13. Кларк А. Черты будущего. М., 1966.
14. Котин В. В. Гносеологические и логические основы науки. М., 1974; Керимов Д. А. Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986; Федосеев П. Н. Проблема социального и биологического в философии и социологии. - Вопросы философии, 1976, № 3, с. 70-79.
15. Кравченко Р. Г., Скрипка А. Г. Основы кибернетики. М., 1974.
16. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20.
17. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 210.
18. Никитин Л.Д. Управление производством и марксистская диалектика – научное управление обществом. Вып. 3. М., 1969.
19. Никитина А.Г. Предвидение как человеческая способность. М., Мысль, 1975.
20. Прогнозирование в социологических исследованиях.
21. Пуанкаре А. Наука и гипотеза. М., 1904.
22. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., 1967.
23. Садовский В. Н. Основания общей теории систем. М., 1974.

24. Тугаринов В.П., Румянцева Т.М. Предвидение и современность. Л., 1976.
25. Философская энциклопедия, т. 1. М., 1960.
26. Шляпентох В. Как сегодня изучают завтра. М., 1975.
27. Шляпентох В. Прогноз для себя. Литературная газета, 1971, 1 января.